

Березуцкая Елена Андреевна

Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Личность преступника

Аннотация. В статье рассматривается проблема процесса формирования личности. Причины преступного поведения субъекта современного общества. Пути предотвращения формирования преступного поведения.

Ключевые слова: преступление, личность преступника, преступное поведение, правоприменители.

Ученые разных исторических эпох, разных мировоззрений, представляющие разные общественно-экономические формации, в течение последних 200 лет пытаются найти ответ на вопрос, почему одни люди совершают преступления, а другие – нет.

Много разных споров по этому поводу прошло, и кажется, что ответ где-то рядом, что вот-вот кто-то, наконец, сбросит пелену с наших глаз и скажет: я знаю!

Общественные противоречия неизбежно сказываются на личности, формируют антиобщественный образ жизни, различные взгляды и мотивы поведения». Особенно печально, что под давлением внешних обстоятельств человека заставляют многократно менять свои взгляды и убеждения, что приводит к низкому некритическому восприятию самого себя. Уже не человек властвует над ситуацией, а ситуация властвует над ним. Произошедшие в 1990-х годах перемены, помимо их революционной губительной сущности, включая варварский криминальный передел собственности, стыдливо прикрываемый пустым словом «приватизация», страшны тем, что в памяти целого поколения

осталось то, как люди вынуждены были в целях выживания отказываться от тех идей, которые они проповедовали, от тех идеалов, которым они служили, от тех основополагающих принципов справедливости, добра и зла, которые им внушали с детства.

При этом одновременно с развенчиванием прежних идеалов взамен предлагался идеал мифической рыночной экономики как некоего экономического фетиша и идеал обогащения любой ценой. Этот процесс протекал тяжело для всех слоев общества, но особенно тяжело для людей, по закону стоящих на страже Родины, которых унизили и морально и материально, а многих просто выбросили на улицу. Не случайно так много самоубийств было среди военнослужащих различных министерств и ведомств. До сих пор стыдливо замалчиваются случаи, когда офицеры, не в силах понять и принять происходящие изменения, расстреливали из табельного пистолета уставы и законы, по которым служили и по которым присягали, а последнюю пулю пускали себе в голову. Все эти процессы носят характер социально-общественный, и они напрямую влияли и, я убежден, еще долго будут влиять на рост преступности в стране. Никакие разговоры о том, что несправедливую приватизацию нельзя пересматривать, не изменят того простого факта, что большинство нынешних российских миллионеров получили собственность не только несправедливо (потому что не приложили к этому никакого труда), но и незаконно. Соответственно, как можно признать их все последующие действия законными?

Важно подчеркнуть, что личностная структура человека существует не наряду с другими ее компонентами и не в противопоставлении к ним (речь идет о потребностях, целях, интересах, ценностях), а рассмотренные выше ее элементы проникают во всю сложную систему сознания и самосознания человека. Именно потому и трудно дать ответ на, казалось бы, простой вопрос: что представляет собой человек и как и чем объяснить то или иное его поведение. Все дело в том, что человек существует как сложная и внутренне и внешне противоречивая самоорганизация. Вопреки устоявшемуся мнению,

смею предположить, что нет никаких точных данных, чтобы ответить: чего же в этой самоорганизации больше – биологического или социального. Даже несмотря на известную аксиому, что человеческий мозг как система формируется только в условиях социальной среды [1, с. 27].

Карл Юнг говорил: «Мой тезис... таков: помимо нашего непосредственного сознания, которое имеет полностью личностную природу и которое, как нам кажется, является единственной эмпирически данной психикой (даже если мы присоединим в качестве приложения личностное бессознательное), существует вторая психическая система, имеющая коллективную, универсальную и безличную природу, идентичную у всех индивидов. Это коллективное бессознательное не развивается индивидуально, но наследуется. Оно состоит из предшествующих форм, архетипов, которые лишь вторичным образом становятся осознаваемыми и которые придают определенную форму содержания психики» [2, с. 72].

Проблема заключается в том, что процесс формирования личности сложен, противоречив и, что самое главное, вряд ли до конца будет когда-либо познан. Между прочим, в этом есть значительная позитивная составляющая, поскольку, если бы было иначе, то все люди давно превратились бы в биороботов.

Одними из причин, почему люди не совершают преступления, особенно самые тяжкие и ужасные, является то, что человек наделен способностью любить, состраданием и жалостью. Эти особенности человека, как считается, его душевные качества, удерживают его от жестокости и насилия по отношению к окружающим. Но я неоднократно видел проявления тех же особенностей у животных, особенно у домашних. Значит, жалость и сострадание (так же как и в определенной степени разум) – это не монополия человека. И только жалостью и состраданием объяснить несовершенство людьми преступлений не удастся. С другой стороны, большая часть преступлений, возможно, не совершалась бы, если бы человек точно знал, что за их совершение он будет осужден и строго наказан. Человек прежде всего дорожит

своей жизнью, это самое ценное, что у него есть, тем более, что в отличие от тех же животных он понимает ее конечность и надеется на покой и душевное равновесие (если, конечно, он не страдает психическими расстройствами). Важно то, что человек боится потерять жизнь. Вот то главное, что отвращает его от совершения преступления. При этом под боязнью потери жизни я имею в виду не наказание в виде смертной казни, а любое наказание. С моей точки зрения, любое наказание за каждое совершенное преступление – это потеря определенного жизненного отрезка у человека, отрезка невозможного. Опасность такой потери – есть тот самый социальный тормоз, который сдерживает человека, задумавшего совершить преступление, от исполнения своего замысла. Понимаю, что сказанное банально, но тем не менее от этого оно не становится менее значимо: не суровость наказания имеет главное значение, а его неотвратимость. В этом смысле удивляет инертность и примитивность мышления при принятии решений о постоянном ужесточении наказаний за те или иные правонарушения: увеличить до невообразимых размеров штрафы, увеличить сроки лишения свободы и т.д. и т.п. Давно известно, что наибольшее количество краж на площади совершается в тот момент, когда на эшафоте палач отрубает вору руку и обыватели глазеют на это. Прежде чем что-либо ужесточать, надо добиться правильного и справедливого исполнения действующих законов. Не потому люди совершают преступления, что не боятся строгости наказания, а потому, что надеются быть не пойманными. Понимание и использование типологии не только дает возможность говорить о почерке преступника и его индивидуальной манере, но и указывает на тип личности преступника. Следовательно, следы преступления могут свидетельствовать о принадлежности преступника к тому или иному типу личности. Кстати, по этому основанию в свое время пытался типизировать преступников прокурор из г. Горького (теперь – Нижний Новгород) Л.Г. Видонов. Его большая (по значению) работа, основанная на обширном массиве эмпирического материала, как мне представляется, сегодня незаслуженно забыта [3]. Применение на практике его типовых версий по делам об убийствах

дало поразительные результаты. Оказалось, что некоторые убийцы просто запрограммированы на совершение преступлений, если они в течение долгого времени живут в определенной социальной среде и ведут определенный, в основном, антиобщественный образ жизни.

Криминология, как и прикладная в данном случае криминалистика, изучая личность преступника, исходит из признаков, которые имеют общий характер для всех однородных преступлений. Например, преступления объединяются в группы, в зависимости от объема совершенных преступлений, массы преступников. Так, в самостоятельную группу объединяются все разбои, или, наоборот, в отдельную группу выводятся только разбойные нападения с применением огнестрельного оружия, или выводятся только разбои, совершаемые несовершеннолетними и т. д. При этом криминалисты полагают, что общие для группы преступлений признаки, соответствующим образом систематизированные и типизированные, составляют криминалистическую характеристику данного рода, вида или даже подвида преступлений. Об этом же говорят и криминологи, с той только разницей, что криминологи акцентируют внимание на личности преступника, точнее говоря, на типологии преступников. Криминалисты пишут в таком случае о типичном портрете преступления, опираясь на то общее, что объединяет множество конкретных преступлений, в основном по способу совершения преступления, молчаливо соглашаясь, что эти способы – однотипны.

Криминологи тоже говорят о типичном портрете, но не преступления, а преступника. Таким образом, в криминалистике разработана информационная модель типичного преступления конкретного вида или рода, в которой особое место занимает личность преступника (личность здесь интересна с той точки зрения, какой способ совершения преступления она выбрала). А в криминологии разработана типичная модель личности преступника, в которой особое значение имеют поведенческие аспекты личности, включая также способ совершения преступления, но в этом случае способ совершения преступления интересует только как естественный финальный итог всего

предшествующего поведения, логично и предсказуемо приведшего к трагедии. Получилось так, что две смежные науки пришли к схожим результатам на основании типичного совершения преступления. А это типичное преступление совершила типичная личность. Просто в одном случае речь идет о преступлении, а в другом – о преступнике.

Если типичный преступник существует, значит, его поведение можно рассчитать. И такие попытки неоднократно предпринимались. Соответствующие разработки велись в свое время в ГУВД Москвы, в других научно-исследовательских учреждениях. Характерно, что результаты этих исследований широкой научной общественности не докладывались. Либо исследования закончились ни чем, либо, наоборот, исследователи пришли к таким выводам, которые предпочли не афишировать. Ведь и работа Л.Г. Видонова в течение долгого времени была под грифом «Для служебного пользования».

Вообще математическое моделирование поведения человека возможно. Например, С.Г. Ольков предлагает некую формулу напряжения личности, которая говорит о том, в какой момент человек готов, при определенных обстоятельствах, к совершению преступления. Он утверждает, что, когда общество «стягивается» (ужесточение правил поведения) или «растягивается» (расширение демократических процедур), в нем возникают центростремительные или центробежные силы, оно становится соответственно более авторитарным (общество «стягивается») или анархическим (общество «растягивается»). Личностное напряжение каждого взятого человека это чутко улавливает, модифицируя поведение индивида в данном обществе и обеспечивая ему соответствующее приспособление к среде обитания. При этом формула напряжения наиболее рельефно показывает напряжение молодежи. Хорошо известно, говорит С.Г. Ольков, что именно молодые люди составляют основу группы риска, подверженную к проявлениям противоправного поведения. Потому что функция напряжения любого индивида, развернутая во

времени, будет давать максимальное напряжение на этом возрастном отрезке, о чем хорошо известно физиологам [4, с. 132–133].

В конечном итоге разработка криминологического портрета преступника предназначена для того, чтобы на ранних этапах постараться предупредить совершение преступлений. Идея о прирожденном преступнике Ломброзо преследовала ту же цель и вечный вопрос о том, почему одни люди совершают преступления, а другие – нет, ставится тоже для этого. Человеческое общество пытается обезопасить себя от проявлений агрессии и поведения, нарушающего существующие правила поведения, со стороны своих членов, чтобы уверенно смотреть в будущее. Но именно этого и не происходит. В чем же дело? В том, что Ломброзо был прав, а мы до сих пор не в силах принять его пессимистические идеи о прирожденном преступнике, которого надо изолировать с момента его рождения?

Оставим на время личность преступного типа и посмотрим, как действует наша правоохранительная система. Даже приближенного взгляда на нее достаточно для того, чтобы понять, – она построена не то, чтобы для профилактики правонарушений и преступлений, но и не для, хотя бы, локализации преступных проявлений. Обратим внимание, какие данные собираются на преступника и на его окружение, которые уже попали в сферу действия правоохранительной системы (т. е. в данном случае мы говорим, что на стадии расследования конкретного преступления уже надо начинать заниматься предупреждением следующего, еще не совершенного). Но данные собираются минимальные. Что происходит потом с этими данными? Ничего. Они даже не исследуются, не говоря уже о том, чтобы постараться использовать их для немедленного тиражирования для тех правоприменителей, которые по закону должны стоять на переднем крае предупреждения преступлений (участковые инспекторы, работники инспекций по делам несовершеннолетних и другие). Следовательно, правоохранительная система давно превратилась в исключительно карательную, которая борется не с преступностью, а с преступлениями и, более того, заинтересована в наличии

тех самых преступников и совершаемых ими преступлений. Как всегда, ситуация парадоксальная, на грани абсурда, – правоохранительная система не заинтересована в преступности, в том смысле, что преступность – это социально негативное явление, которое мешает нормальному функционированию общества, но не может существовать без преступлений. Чем больше преступлений, тем больше выделяется денег на их раскрытие, тем надежнее штаты, тем выше заработная плата. В утешение себе и всем могу сказать только, если это может нас хоть в какой-то степени успокоить, что точно такая ситуация: 1) произошла практически во всех странах мира; 2) все это – не случайно.

Общество же не только не помогает развиваться человеку, но часто мешает ему, не видит его вместе с его мелкими, как представляется, проблемами. И поэтому человек, оставшись один на один с собой, замыкается в себе и начинает ненавидеть не общество в целом (поскольку он не понимает, что это такое), а отдельные институты этого общества и вполне конкретных представителей этого общества, которые в результате и становятся жертвами его преступлений.

Никто из тех людей, кто в дальнейшем совершил преступление, не был запрограммирован на то, чтобы стать преступником, но многие из них неизбежно становились преступниками, потому что в конкретный период их жизни само окружение, само существование общественных институтов даже не подталкивало, а направляло их на преступный образ жизни. Подчеркиваю, я говорю не о близком окружении человека, я говорю об окружении общественных институтов, которые, похоже, созданы не для того, чтобы помочь человеку прожить достойную жизнь и развернуть его творческие способности, а создавать каждый раз искусственные барьеры для того, чтобы мешать человеку нормально жить и работать.

Общество, в лице его институтов, которые создали люди для упорядочения отношений друг с другом, оказалось совершенно не готово к удовлетворению интересов отдельно взятого человека. Общество смогло за

долгие тысячелетия своего существования только разработать некие правила поведения людей, смысл которых в результате свелся исключительно к запрещению всего и вся. Получилось, что человек с момента своего рождения попадает в мир, в котором все «нельзя», и это «нельзя» впитывается ему с молоком матери.

Существует много возможностей у человека не совершать преступления. Лица, склонные к корыстным преступлениям, могут начать заниматься коллекционированием, лица, склонные к бродяжничеству и связанными с этим преступлениями, могут начать путешествовать, лицам, склонным к насилию, можно порекомендовать занятия единоборствами с применением прямого физического контакта против соперника и т.д. На самом деле теория прирожденного преступника могла бы облегчить нам жизнь, при одном условии, что мы как члены общества расписываемся в собственной бесполезности.

Таким образом, задача общества, если хотите, человечества, объединенного в социальную общность, найти ключ к пониманию самых сокровенных желаний каждого человека. Мне могут возразить, что это непосильная задача. Отвечаю: *Viam supervadet vadens!* (дорогу осилит идущий).

Литература

1. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. М.: Политиздат, 2009.
2. Юнг К. Аналитическая психология. М., 2014.
3. Видонов Л.Г., Селиванов Н.А. Типовые версии по делам об убийствах. Справочное пособие. Горький, 1981.
4. Ольков С.Г. Абсолютное и относительное напряжение личности и градиент счастья в исследовании преступного поведения // Актуальные проблемы правоведения. 2012. № 2–3.